

**ПРОЦЕСС «ВРАСТАНИЯ» РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ
В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС БЕЛАРУСИ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Б. СПРИНЧАНА)**

Вынесенное в заглавие название статьи подсказано сложившейся, в последнее десятилетие примерно, ситуацией: появляется всё больше и больше писателей Беларуси, создающих свои произведения на русском языке и претендующих на лидерство в республиканском литературном процессе. Поддержанные руководством нового творческого Союза, преимущественно молодые, особенно сориентированные на новые веяния в словесном искусстве, стремятся доказать, что созданные ими произведения являются одной из составляющих русской литературы, протестуют против термина «русскоязычная литература Беларуси». Конечно, есть резон в подобном подходе к довольно распространенному в нашей стране явлению. Бесспорно, что ряды русских литераторов России «подпитывались» писателями-уроженцами Беларуси, пишущими на русском языке, не одно десятилетие. Достаточно назвать одного из основоположников символизма Минского, романиста Кружовых. Однако заметим, что «врастание» русскоязычной литературы Беларуси в литературный процесс соседнего государства наблюдается в том случае, когда мастера художественного слова надолго оказываются в другой языковой и культурной среде, как это случилось с Дмитрием Ковалёвым – поэтом-фронтовиком, родом из Беларуси, не так давно нас покинувшим. Продолжает писать, живя в России, Игорь Шкляревский, которого я лично знал, будучи студентом, как сотрудника газеты «Знамя юности» (если не ошибаюсь, в конце 1950-х годов называвшейся ещё «Сталинской молодёжью»). Иван Бурсов также стал признанным поэтом и переводчиком в России, хотя сам родом из Беларуси. Примеры можно продолжить. И все они свидетельствуют о том, что известным, признанным творцом русской литературы можно стать, переменяв обстановку полностью, а не только языковую стихию. Языковая стихия может быть русской и в Беларуси, а вот белорусскую ментальность преодолеть очень трудно, почти невозможно. Это я прочувствовал на себе: в 14 лет приехав в Беларусь, поменял языковую стихию, а вот стихи и прозу писать на русском языке не берусь: боюсь показаться косноязычным, не хватает слов (особенно синонимов) для образного (подчеркну – именно образного!) выражения мыслей на языке, которым, казалось бы, владею пусть не в совершенстве, но не хуже многих жителей своей второй родины.

И ещё хочется отметить, что ничего зазорного в термине «русскоязычная литература Беларуси» нет, как и в термине «русскоязычная литература Киргизии», блестяще представленная Чингизом Айтматовым. Этот термин имеет право на существование ещё и потому, что и в самой многонациональной России, и за рубежом (например, в соседней с нами

Польше) учёные пользуются уже давно, после распада СССР, термином «русскоязычная литература России».

Это насчёт терминологии. Что же касается этической (если так можно выразиться) стороны этого вопроса («Русскоязычные ли мы писатели или творцы русской литературы»), то здесь, мне кажется, не лучше ли сохранять «лица необщее выражение» и литераторам, пишущим по-русски, ориентируясь на менталитет, культуру того народа, который тебя взрастил, воспитал, вывел в люди, сделал тебе прививку от вируса манкуртства, тлетворное влияние которого на человека так страстно, так убедительно и ярко показал Чингиз Айтматов. О подобной ориентации писателей Беларуси, как всегда равнодушно и эмоционально, высказался ещё в 1978 году во вступительной статье к сборнику Б. Спринчана «Вечная страда: Избранные стихи и переводы» Олег Лойко. Его слова могут быть и своеобразным эпиграфом к творчеству Бронислава Спринчана, и напутствием, отеческим советом русскоязычным белорусским авторам, который поможет им сохранить своё лицо именно белорусского автора, не раствориться в среде московских, Санкт-петербургских, рязанских, вологодских литераторов России: «Вообще правы те критики, которые говорят, что поэзия Б. Спринчана глубокими конями уходит в белорусскую национальную почву. Думается, что в его поэзии, как в русской прозе Ч. Айтматова, национальное начало стало определяющим, что языковая форма не могла его стусевать» [2, с. 8].

Далее мы и поведём речь о том, как талантливый белорусский поэт, родившийся на Украине, но считающий Беларусь своей второй матерью, постепенно «врастал» в белорускость, становился в ряд с теми поэтами, которые писали на понятном и ему одном из славянских языков, которым он не овладел в совершенстве, а потому и остерегался на нём писать. Но зато гомсельмашевский парень начал с 1949 года процесс познания братского народа, психологии людей, неповторимой красоты природы, своеобразного, насыщенного звонким «дзе» и густым «чаго», как высказался по этому поводу Пимен Панченко, языка. Он не стеснялся наращивать потенциал белорускости через пополнение лексического состава своей поэзии белорусизмами. Более того, он даже любовался ими, как, например, в данном конкретном случае – в стихотворении «Белорусские месяцы»: «Но корней и Студзень не остудит – // Согревает их сама земля»; «Месяц Люты не такой уж лютый, // Потускнело серебро зимы»; «Запахом берёзового сока // Из лесу сочится Сакавік» [1, с. 168]. Он боготворил светлые, мягкие, «тёплые», свойственные только белорусскому языку, термины, касающиеся этикета, поведения людей, противопоставляя их аналогичным терминам других славянских языков. В стихотворении «На Полесье» он сравнивает русское слово «пожалуйста» с белорусским словосочетанием «Калі ласка» (пишет его с большой буквы) и приходит к выводу, что «Словно солнца шар в росинке, // щедростью и добротою // Тут в сердечном «Калі ласка» отразилась Беларусь» [1, с. 117].

В стихотворении «Другу» он сравнивает слова «деревня» и «вёска», «жыта» и «жито». Он поэтизирует белорусские народные праздники («Крещение», «Колядки», «Вербная неделя», «Вербница»), сравнивает белорусские берёзы с русскими и выдыхает полной грудью («напоўніцу» – по-белорусски) нежные слова:

*Они не то, чтобы светлей,
У русских тоже свет не тусклый,
Но наше трепетней, теплей,
У наших облик белорусский [2, с. 51].*

Бронислав Спринчан оригинален и неповторим именно своей белорускостью, своим уважительным отношением к нашей стране, нашему народу, к её выдающимся сынам, своей толерантностью, так свойственной белорусам. Читаю концовку стихотворения «Колядки» и чувствую, что она не сконструирована разумом, вылилась из сердца, как что-то вполне естественное и закономерное для поэта:

*Дуда, жалейка, окарина
И перелив людского голоса...
Колядки нравились Скорине
И просветляли душу Коласа.*

*И Богдановичу Максиму
Они дарили строки лучшие...
И я колядки в эту зиму,
Как вечности заветы, слушаю [2, с. 88–89].*

Слово белорусское не просто украшает стихотворения талантливого поэта, а выполняет в некоторых из них роль орнамента, насыщает их оттенками цвета, запаха, вкуса. Как, например, в стихотворении «Краски лета – праздник для души...», где цветовой эффект от «васильков во ржи», «белых ромашек в белых росах», роскошного цветения лип удачно дополняется упоминанием «белых платков бабуль», «белого кипения бульбы» (белорусские слова так вплелись в русский текст, что их из него клещам не вытянешь).

Осторожно поэт входит в мир истории Белой Руси, бережно перелистывает её страницы. Не так укрупнено и масштабно, как Владимир Короткевич, но весьма старательно, искренне заботливо, не перевирая факты, листает её страницы в стихотворениях «Единство», «Дунай», «Библия Скорины», «Не все Радзивиллы с мечами...», «Мирский замок», «Полонез Огинского», «Заславль». И звучат белорусские мечи, опущенные на шлемы крестоносцев, и оживает панорама прошедших веков. Только влюблённый до боли в родной край человек мог написать вот такие чеканные, строгие, просвеченные гордостью за народ, за наш и его, Спринчана, славянский род!

*Не все Радивиллы с мечами,
Не все погязли в бедламе,
А свет излучали, как пламя,
И часто благими делами
Свой княжеский титул венчали [2, с. 17].*

А вот пример вживания, «врастания» в белорусское слово, благоговейное преклонение перед ним, любование его смысловыми оттенками, выполненное мастерски, профессионально:

*Переливы бликов – там и тут.
И так любо мне под сенью дуба,
Вспоминая Коласа Якуба,
Выдохнуть душой: «Мой родны кут...»*

.....
*Золотой вчера, уже седой
Одуванчик на дорожной бровке –
И строка «А дні ідуць...» из Бровки
Тихо наплывает в мой настрой.*

Бронислав Спринчан любит Беларусь. Она для него стала Родиной. Навсегда. Он утверждал и утверждает ту истину, что «самобытностью отмечен // Славянский облик белоруса...». И отстаивает её достойно, мужественно.

Литература

1. Спринчан Б. Вечная страда: Избранные стихи и переводы. Мінск, 1978.
2. Спринчан Б. Вербная неделя. Мінск, 2002.